

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ЛЕРНЕТА-ХОЛЕНИЯ

© 2024 г. С.В. Балаева

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В центре статьи два произведения австрийского писателя Александра Лернета-Холения (1897–1976) — роман «Штандарт» (1934) и повесть «Барон Багге» (1936). Анализируемые произведения связаны с конкретным историческим событием, с Первой мировой войной, в которой автор принимал участие. Важную роль в анализе произведений играет понятие «габсбургского мифа», влияние которого объясняет особенности мироощущения в австрийском обществе конца XIX — начала XX в. Сюжет произведений неразрывно связан с историей мировой войны и армейской жизни, но прорабатывает исторические события не реалистически, а с использованием элементов приключенческого романа и фантастических историй (путешествия в загробный или параллельный мир, беседы с загадочными незнакомцами, умершими, видения и т. п.). С одной стороны, указанные повествовательные элементы должны были вызывать интерес у читателя, с другой стороны, приключенческие истории в историческом антураже оказываются сложными в плане поэтики, поскольку отражают кризис сознания, утрату духовных оснований в австрийском обществе в 1930-е гг. Лернет-Холения перерабатывает темы литературных предшественников, создававших «страшные истории», фантастические, необычные ситуации и разрабатывавших темы оккультизма. Автор вступает в диалог с предшествующей литературной традицией, сознательно проводя различие между фантастическими и условно достоверными историями, вплетенными в единое повествование.

Ключевые слова: Светлана Владимировна Балаева — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и инженерных дисциплин, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной переулок, д. 13–15, 191028 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0810-3410>

E-mail: svetlana.balaeva@inbox.ru

Для цитирования: Балаева С.В. Фантастическое и историческое в произведениях А. Лернета-Холениа // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 4. С. 109–120. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-109-120>

Война 1914–1918 гг. была как для немецкой, так и для австрийской культуры особенной. Австрийский писатель Александр Лернет-Холениа (1897–1976), вернувшись в 1918 г. домой с фронта, оказался вовсе не в том мире и не в рамках той культуры, которые покинул. Ему и его соотечественникам пришлось сравнивать новую реальность с навсегда ушедшим прошлым. Поражение в войне обернулось общественным крахом, поскольку австрийцы оказались в странной атмосфере мира без объединяющей идеи. Народы, ранее населявшие многонациональную империю, теперь создавали собственную государственность, основанную на национальном единстве. Австрийцам же пришлось искать новую идею, соответствующую духу времени. Неудивительно, что именно тогда апокалиптические настроения австрийского общества были сильны, как никогда ранее, а прошлое воспринималось как навсегда утраченный «золотой век». Поиск причин, приведших страну к гибели, оказался едва ли не главной задачей литературы и философии, образовав явление, характерное только для австрийской культуры — габсбургский миф.

Феномену габсбургского мифа в истории литературы посвящена книга итальянского ученого К. Магриса «Габсбургский миф в современной австрийской литературе» (1963) [4]. По мнению автора, этот австрийский миф представляет собой обособившуюся идеологию, возникшую не под влиянием реальности, а с намерением эту реальность изменить и в некоторых случаях приукрасить. Свои выводы Магрис сделал на основе исследования творчества ряда австрийских писателей: С. Цвейга, Р. Музиля, Х. фон Додерера, а также А. Лернета-Холениа.

Историческое событие, которое так или иначе упомянуто во всех прозаических произведениях, написанных Лернетом-Холениа в 1930-е гг., —

это Первая мировая война, но ее изображение имеет мало общего с тем, как она представлена во многих романах его современников, например, в романах Арнольда Цвейга «Спор об унтере Грише» (1927) или Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1929). Лернет-Холения изображает мировую войну в декорациях авантюрного романа, отказывая ей в романтическом ореоле, присущем этому жанру. Повествование построено таким образом, что даже попытка представить на фоне разворачивающегося действия звук от летящего снаряда или возможность отдачи приказа по телефону кажется анахронизмом. Лернет-Холения сознательно стилизует действие в русле приключенческого романа XVIII в. и рассчитывает на то, что читатель, который немногим более двадцати лет назад принимал участие в описываемых боях, втянется в эту игру с историей. И речь не столько идет о композиции, сюжете и архитектонике романа, сколько об особом отношении автора к истории, которую он превращает в «квазимифическое» действо [6, с. 10–12].

Первая публикация романа «Штандарт» состоялась в нескольких номерах (с апреля по июль 1934 г.) газеты “*Wiener Illustrierte Zeitung*” под названием «Жизнь за Марию Изабеллу!». Отдельной книгой роман был напечатан в Берлине в том же году. Об успехе этого произведения у читателя свидетельствует тот факт, что оно было сразу же экранизировано — в 1935 г. вышел фильм «Жизнь за Марию Изабеллу». Повесть «Барон Багге» была опубликована в 1936 г. сначала в той же газете под названием «Золотой мост», чуть позднее отдельной книгой с названием «Барон Багге».

В обоих произведениях в центре повествования оказываются события, происходящие на мосту — сражение, в результате которого для героя вся жизнь переменится. Важную структурообразующую роль в «Штандарте» и «Бароне Багге» играют видения (сны и состояния сна наяву). Герои погружаются в мир видений до такой степени, что теряют возможность различать сон и явь. Видения становятся отражением реальности и либо повторяют ее, либо предвосхищают развитие сюжета, заставляя читателя ощутить чувство «уже виденного», вступить в своеобразную игру с текстом, заключающуюся в угадывании дальнейшего развития сюжета, и почувствовать разочарование от несбывшихся ожиданий.

В обоих произведениях используется прием рамочного введения в основное повествование: в настоящем происходит нечто, что побуждает одного из героев рассказать историю из прошлого. События в рамке включаются в повествование с соблюдением минимального уровня достоверности: нет никаких перерывов, повествование ни-

как иначе не оформлено, практически нет явлений анахронии, естественных для любого как фикционального, так и фактуального повествования, что дает право определить этот текст как построенный в соответствие с канонами беллетристики. В подобном способе повествования читателю легче погрузиться в созданный автором художественный мир: рамка в «Штандарте» и «Бароне Багге» служит «для перехода из реальности послевоенного времени в фикциональное повествование романа [2, с. 129]¹.

Роман Лернета-Холения «Штандарт» становится демонстрацией верности воинской присяге и знамени полка. Главный герой Герберт Менис должен пронести штандарт своего полка из занятого англичанами Белграда до Вены и там вернуть его своему императору.

Интересно, что штандарты во время Первой мировой войны едва ли имели столь важное значение, какое придает им рассказчик в романе «Штандарт»: «Мятежа на Белградском мосту никогда не было, флаги и штандарты никогда не сжигались в Шённбрунском дворце», а героическое путешествие вообще полностью придумано, причем знамя полка воплощает собой старый «габсбургский миф», — указывает исследовательница творчества писателя Франциска Мюллер-Видмер [5, с. 46].

В романе «Штандарт» описание основных событий прошлого дается в пересказе Герберта, главного героя. Все события преломляются сквозь его точку зрения, связаны с его пониманием действительности, весь рассказ — это, с одной стороны, общение героя с самим собой, а, с другой стороны, учитывая появляющиеся в тексте литературные аллюзии и отсылки, это скрытые размышления автора об образе современника — участника Первой мировой войны, пережившего крах империи. Герберту в 1918 г. только девятнадцать лет, он еще верит в любовь и долг, в империю и императора. Роман «Штандарт» — история о юноше, опыт которого основывается на знаниях, полученных в школе, из книг — приключенческих романов. Поэтому и его рассказ подобен приключенческому роману. Здесь есть все: любимая женщина, которую нужно спасти от смерти; верные друзья, сослуживцы; вера в справедливость императора, который, однако, отказался от своих подданных («Их Величества покидают нас»²[8, с. 300]).

В романе перед началом основных «приключенческих событий», герой словно засыпает. И то ли в реальности, то ли во сне становится

¹ Здесь и далее тексты немецкоязычных источников даны в моем переводе — С.Б.

² Перевод С. Балаевой.

свидетелем странного, фантастического разговора, в котором тон задает демонический ротмистр по фамилии Хакенберг. Ротмистра всегда и везде сопровождают пушистые серые безымянные собаки (у них нет имен, потому что они и так всегда вместе). Хакенберг, очевидно, является воплощением бога Одина, которого сопровождают два серых волка Гери и Фреки. И то, что они появляются перед битвой, не случайность. Волк — это, с одной стороны, символ воинской доблести, но, с другой, символ предательства и братоубийства, т. е. образ сложный, амбивалентный, как и образ самого верховного скандинавского божества [1, с. 43–46].

Хакенберг замечает, что Менис хочет нести штандарт, и пророчит, что тот его понесет, после чего предсказывает скорую гибель основному знаменосцу, прапорщику Хайстеру. Последний ему не верит. Тогда Хакенберг говорит, имея в виду его и себя: «Тот из нас, кто мудрее, вероятно, останется в живых» [8, с. 158]. Далее героям остается выяснить, кто же из них мудрее. Они решают по очереди «задавать друг другу вопросы», а первый, кто не сможет дать ответ, будет объявлен глупцом.

Хайстер спрашивает:

<...> поскольку ты делаешь вид, что что-то знаешь о будущем, о постустороннем мире и тому подобном, и поскольку я заинтересован в этом в основном потому, что ты уверен в моей смерти на пятьдесят процентов, скажи мне: что происходит с нами, когда мы умираем?

Хакенберг на мгновение взглянул на Хайстера, одарил его улыбкой и ответил:

— Нас хоронят.

При этом он поднял поводья и снова уронил их на шею коня.

— Нет, — сказал Хайстер, — я имею в виду: если мы погибнем, то куда мы попадем?

— В списки погибших, — ответил Хакенберг.

— Нет, — воскликнул Хайстер, — я хочу знать: что от нас останется?

— Слава, — сказал Хакенберг [8, с. 159–160].

Хакенберг обыгрывает Хайстера, говоря, что тот неточно задает вопросы. И когда вопросы начинают задавать Хакенберг, Хайстер не может на них ответить, хотя Хакенберг спрашивает о семье и предках Хайстера. Так выясняется, что это именно Хайстер не тот, за кого себя выдает, что его происхождение вовсе не благородное.

Хакенберг исчезает как раз перед междоусобной битвой австро-венгерских полков на мосту через Дунай. Именно в этой битве Хай-

стер погибает, воплощая в жизнь предсказание таинственного Хакенберга.

Ближе к концу приключения герои находят в карманах другого героя по фамилии Аншютц, также участника и свидетеля этого странного разговора, письма, адресованные жене. Но речь в письмах идет вовсе не об Аншютце, а о Хакенберге, который является героем стихотворения: «Гримом меня звали, / Меня звали Гангматтом, / Правителем и воином, / Повелителем желаний и магом, / Носителем плаща, / Обманщиком армий. / Теперь я Хар, / Иггом звали раньше, / Несколько дней назад / Меня звали Тунд» [8, с. 261]. Если читатель раньше не сумел понять, кем является Хакенберг, то теперь намек становится совершенно определенным — это бог Один, ведь в «Речи Гримнира» в «Старшей Эдде» есть очень похожие строки: «Звался я Грим, / Звался я Ганглери, / Херьян и Хьяльмбери, / Текк и Триди, / Тунд и Уд, / Хар и Хельблинди...»³ [9, с. 92].

Так, Герберг Менис получает штандарт и погружается в полную приключений военную жизнь, словно случайно спасает свою возлюбленную. Он, его возлюбленная, слуга и армейский друг по подземным лабиринтам выбираются из захваченного англичанами Белграда. Они словно рождаются заново, опустившись под землю и вновь вернувшись к свету.

В темноте им кажется, что они слышат человеческие голоса: «И тут мы услышали голоса. Было просто невероятно, чтобы здесь мог находиться кто-нибудь еще, кроме нас. <...> Это был какой-то неопределенный шум, похожий на дующий ветер, в котором различались разные тона, как в телефонном разговоре в шумном месте. Но очень скоро мы поняли, что это могли быть голоса, которые звучали одновременно, некоторые из них были более четкими, но большинство сливалось в один общий звук, как гул большой толпы, люди в которой говорят друг с другом» [8, с. 240]. Чуть позже они узнают причину гула — это живущие в подземельях крысы.

Героям удастся выбраться из подземелий. Герберт Менис добирается до Вены, а затем сжигает штандарт в императорском дворце и на этом его приключение заканчивается. Начинается реальная скучная жизнь.

Вопреки законам приключенческого жанра, герой в «Штандарте» не получает в награду ничего, даже тот факт, что он остался в живых на войне, не радует его. Герой продолжает жить прошлым: «Я не верю, что эта война закончилась. Она все еще продолжается. <...> Она и во мне продолжается» [8, с. 23].

³ Перевод А. Корсуна.

В повести «Барон Багге» действие также происходит во время Первой мировой войны, на Восточном фронте. Как и в «Штандарте», А. Лернет-Холениа использует рамочную композицию, из которой мы узнаем, что герой, барон Багге, остался жив после пережитых событий. Однако достоверность истории поставлена под сомнение обстоятельствами, при которых она случилась. Лернет-Холениа парафрастически использует популярный в начале XX столетия сюжет о смене состояний сознания, известный ему по произведениям Амброза Бирса (новелла «Случай на мосту через Совинный ручей», 1891) и Лео Перуца (роман «Прыжок в неизвестное», 1918). В произведениях обоих авторов герои спасаются от погони, и им кажется, что они спасены. Однако смерть настигает их, и оказывается, что все события, о которых только что велось повествование, разворачивались лишь в сознании героев в миг, предшествовавший их смерти.

В «Бароне Багге» Лернет-Холениа смещает сюжетные акценты. Читатель с самого начала знает, что барон выжил, поэтому повествование о предсмертных секундах, растянувшихся на несколько дней в «сознании» пребывающего в бессознательном состоянии героя, имеет высокую степень достоверности. Лернет-Холениа как будто переводит фантастическую историю в область реального, реалистического. Рассказанная история может быть блужданием в потемках меркнувшего разума, она может быть путешествием в альтернативную реальность, в параллельный мир, где герой счастлив. Но теперь будучи вырванным из него, счастья он уже никогда не обретет. Несомненно, существование некоего параллельного мира придает истории фантастическое звучание, но не указывает на свою фантастичность прямо. Автор предлагает читателю самому выбрать, как воспринимать эту историю — как фантастическую или как реалистическую. Один из исследователей А. Лернета-Холениа Р. Лют усматривает в таком композиционном решении критерий многозначности (*“Ambiguität”*) и определяет его, ссылаясь на Ц. Тодорова так: «Текст должен заставить читателя воспринимать мир персонажей книги как мир живых людей, он должен заставлять читателя замирать в нерешительности перед вопросом о том, требуют ли вызванные события естественного или сверхъестественного объяснения» [3, с. 20]. Таким образом, повесть «Барон Багге» в полной степени соответствует критерию многозначности, а потому может быть названа фантастической.

Когда Багге прибывает со своим эскадроном в Надь-Михали, он очень счастлив, поскольку это поселение заставляет его вспомнить о матери, которая «была дружна» с живущей здесь семьей Сцент-Кирали настолько, что хотела, чтобы ее сын женился на дочери ее

друзей. Но мать умерла, а Багге об этом уговоре думать забыл, и вот во время военного похода вспомнил. И в этой параллельной реальности герой может жениться на давно умершей девушке согласно желанию его также умершей матери. Таким образом, находится объяснение странному происшествию на мосту через Ондаву: «Может быть, эта катастрофа, <...> и вся эта гекатомба понадобились только потому, что осталось слишком мало времени и в пределах жизни больше уже ничего не могло случиться, и поэтому все произошло уже после жизни, то есть в смерти, как можно было бы сказать...»⁴ [7, с. 8].

Городок Надь-Михали, где происходит основное действие повести, воплощает в себе Австро-Венгрию в миниатюре: «Надь-Михали очень маленький город; но я никогда не видел в столь маленьком, как это, местечке такого большого скопления людей. <...> сыпались, как дождь, приглашения от совершенно незнакомых людей на званые обеды, ужины и приемы. <...> ни у кого не было никаких других забот, кроме как нас приветствовать, приглашать и заботиться о наших развлечениях» [7, с. 35–36]. В этом отрывке из повести дана характеристика культурной жизни Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Неслучайно Г. Брех в книге «Гофмансталь и его время» (1951) назвал австрийскую культурную жизнь перед Первой мировой войной «веселым Апокалипсисом».

Так, ранение Багге на мосту через Ондаву переносит его из нашего пространства и времени в мир, живущий по другим законам, напоминающий некое преддверие рая, поскольку герой оказывается в безопасном, полном радостей месте. Багге, подобно Данте, будто бы оказывается в потустороннем мире, в котором жизнь не прекращается. Этот мир населен людьми из прошлого Багге: о некоторых из них он знает, что они умерли, а о смерти других узнает только после возвращения в сознание. В потустороннем мире Багге женится на девушке своей мечты, он счастлив. В это время реальный Багге ранен, он лежит без сознания.

Раздвоенность героя, наличие нескольких альтернативных реальностей характеризует повествование Лернета-Холениа. Автор сомневается в способности человека адекватно оценивать реальность и самого себя: «Так как каждый из нас имеет дело только с самим собой, никто не может помочь другому, и каждый из нас, я чувствую, одинок, очень одинок, даже совсем одинок. Нет никаких действительных отношений между людьми. Каждый друг для друга только повод — ничего больше. Повод для ненависти или любви. Но любовь

⁴ Перевод В.М. Летучего.

и ненависть возникают в нас, живут и проходят опять-таки только в нас самих. Никакие действительные узы не протягиваются от одного к другому» [7, с. 45]. В данном утверждении постулируется крайний субъективизм автора, заявляющего об относительности ощущений окружающего мира и невозможности удостовериться в его реальном существовании. Автор вкладывает эти слова в уста Шарлотты — героини сна. И рассказчик задается вопросом: «Откуда она все это знала, что я сам иногда лишь едва предполагал в самой глубине своей души, но в действительности не мог не осознать этого, ни сформулировать?» [7, с. 45].

Тоскуя о пережитом, герой повести понимает, что никогда не вернется к возлюбленной из своего сна: «В этот момент мне казалось, что я прожил здесь не несколько дней, а годы, и что едва ли я смогу жить где-либо в другом месте; одновременно у меня вдруг возникло ощущение, даже абсолютная уверенность, что я больше сюда не вернусь. Не так чтобы я подумал, что при моем возвращении все будет по-другому, как бывает, когда кто-то возвращается и все видит по-другому, каким было раньше; но я с полной уверенностью вдруг осознал, что скорее смогу попасть на луну, чем обратно сюда. Просто возврата больше не было. Возврата сюда. Я никогда не вернусь, никогда» [7, с. 62].

Падение Австро-Венгерской империи не развенчало габсбургский миф, а лишь усилило его влияние. И пока литературные современники пытались понять и выразить свое отношение к конкретным историческим событиям (мировой войне и приходу к власти в Германии национал-социалистов), Лернет-Холения по-своему осмыслил историю, создавая ее альтернативное прочтение. Его сюжеты наполнены грезами, странными происшествиями и знакомствами, снами, совпадениями. Они предлагают свой взгляд на мир, свою историю, которая во многом напоминает подлинную, но все же ею не является. Не случайно, в обоих произведениях герой оказывается на мосту и переходит по нему в новую реальность, в некое «промежуточное царство». Персонажи книг Лернета-Холения наделяются особой чувствительностью, своего рода способностью к путешествиям во времени и пространстве, умению заглядывать в прошлое и будущее. Основным же мотивом остается мотив гибели старого мира: в романе «Штандарт» — это распад Австро-Венгрии, утрата былых культурных ценностей, испытание человека историей; в «Бароне Багге» — потеря человеком смысла жизни, обращение к корням, стремление оживить иллюзию счастья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Домский М.В. Германский эпос: символы героя // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2004. Вып. 5. С. 30–50.
2. Lipiński K. Apologie des Untergangs. Zu Alexander Lernet-Holenias Roman “Die Standarte” // Der Schriftsteller und der Staat. Apologie und Kritik in der österreichischen Literatur / Hrsg. von J. Golec. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. S. 125–135.
3. Lüth R. Drommetenrot und Azurblau: Studien zur Affinität von Erzähltechnik und Phantastik in Romanen von Leo Perutz und Alexander Lernet-Holenia. Meitingen: Corion Verlag Heinrich Wimmer, 1988. 437 S.
4. Magris C. Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur. Wien: Paul Zsolnay Verlag, 2000. 416 S.
5. Müller-Widmer F. Alexander Lernet-Holenia. Grundzüge seines Prosawerkes, dargestellt am Roman “Mars im Widder”. Ein Beitrag zur neueren österreichischen Literaturgeschichte. Bonn: Bouvier, 1980. 206 S.
6. Nickel G. Einleitung // Carl Zuckmayer — Alexander Lernet-Holenia Briefwechsel und andere Beiträge zur Zuckmayer-Forschung / Hrsg. von G. Nickel. Göttingen: Wallstein Verlag, 2006. S. 9–26.

Источники

7. Лернет-Холениа А. Барон Багге. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 84 с.
8. Лернет-Холениа А. Штаңдарт. СПб.: Симпозиум, 2022. 318 с.
9. Старшая Эдда. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

THE FANTASTIC AND HISTORY IN THE WORKS
BY A. LERNET-HOLENIA

© 2024. Svetlana V. Balaeva

St. Petersburg State Stieglitz Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article focuses on two works by the Austrian writer Alexander Lernet-Holenia (1897–1976) — the novel “Standard” (1934) and the short story “Baron Bagge” (1936). The analyzed works are connected with a specific historical event, with the World War I, in which the author took part. An important role

in the analysis of the works is played by the concept of the Habsburg myth, the influence of which explains the peculiarities of the attitude in the Austrian society of the late 19th — early 20th centuries. The plot of the works is inextricably linked with the history of the war and directly relates to army life, but works with historical events not realistically, but using elements of an adventure novel and fantasy stories (travel to the afterlife or a parallel world, conversations with mysterious strangers, the dead, visions, etc.). On the one hand, these narrative elements should have aroused the interest of the reader, on the other hand, adventure stories in a historical setting turn out to be complex in terms of poetics, since they reflect the crisis of consciousness, the loss of spiritual foundations in Austrian society in the 1930s. Lernet-Holenia reworks the themes of literary predecessors who created “scary stories”, fantastic, unusual situations and developed the themes of the occult. The author enters into a dialogue with the previous literary tradition, consciously distinguishing between fantastic and conditionally reliable stories, woven into a single narrative.

Keywords: Alexander Lernet-Holenia, Standard, Baron Bagge, Habsburg Myth, Ambrose Bierce, Leo Perutz.

Information about the author: Svetlana V. Balaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Engineering Disciplines, Saint Petersburg A.L. Stieglitz State Academy of Art and Design, Solyanoy Ln., 13–15, 191028 St. Petersburg, Russia.

For citation: Balaeva, S.V. “The Fantastic and History in the Works by A. Lernet-Holenia.” *Codex manuscriptus*, issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 109–120. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-109-120>

REFERENCES

1. Domskii, M.V. “Germanskii epos: simvoly geroia” [“The German Epos: Symbols of the Hero”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorii*, no. 5, 2016, pp. 30–50. (In Russ.)
2. Lipiński, Krzysztof. “Apologie des Untergangs. Zu Alexander Lernet-Holenias Roman ‘Die Standarte’”. *Der Schriftsteller und der Staat. Apologie und Kritik in der österreichischen Literatur*, Hrsg. von J. Golec. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999, S. 125–135. (In German)
3. Lüth, Reinhard. *Drommetenrot und Azurblau: Studien zur Affinität von Erzähltechnik und Phantastik in Romanen von Leo Perutz und Alexander Lernet-Holenia*. Meitingen, Corion Verlag Heinrich Wimmer, 1988. 437 S. (In German)

4. Magris, Claudio. *Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*. Wien, Paul Zsolnay Verlag, 2000. 416 S. (In German)
5. Müller-Widmer, Franziska. *Alexander Lernet-Holenia. Grundzüge seines Prosa-Werkes, dargestellt am Roman "Mars im Widder". Ein Beitrag zur neueren österreichischen Literaturgeschichte*. Bonn, Bouvier, 1980. 206 S. (In German)
6. Nickel, Gunther. "Einleitung". *Carl Zuckmayer — Alexander Lernet-Holenia Briefwechsel und andere Beiträge zur Zuckmayer-Forschung*, Hrsg. von G. Nickel. Göttingen, Wallstein Verlag, 2006, S. 9–26. (In German)